

НАДЕЖДА КУЗЬМИНА

НАСЛЕДНИЦА ДРАКОНОВ

Тайна

Москва

2017

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К89

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Кузьмина, Надежда Михайловна.
К89 Наследница драконов. Тайна / Надежда Кузьмина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-699-87099-8

Если ты сирота с богатым приданым, жди от родственников проблем!

Бель — всего пятнадцать, и ее магия пока не проснулась. В приданом значится «трон Драконьей Империи, одна штука», а в опекунах — регент, дядюшка Гвидо Фирдани, в планы которого вовсе не входит сделать из сиротки правящую императрицу. А вот поскорее выдать ее за своего сына Роузэна — это да, цель достойная. Только нельзя носителям драконьей крови рано связывать себя узами брака — потеряешь и магию, и крылья.

Но сдаваться юная принцесса не желает: исследует тайные ходы замка, бегает от ухаживаний противного Ру, учится ночами да перед дядюшкой наивную дурочку изображает. Но долго ли она так продержится, ведь помощи ждать неоткуда?

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не странные сны. Оказывается, увидеть во сне белого единорога — к переменам в судьбе...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Кузьмина Н.М., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-699-87099-8

Приношу мою благодарность тем, кто помог мне создать «Тайну», — Юрию за поддержку и дружеское плечо, Маргарите Суменковой за бесконечное терпение и помощь в правке текста, Юлии Китаевой за ее чудесные стихи. И Елене, без которой этой книги просто бы не было.

Честь дороже золота. Ибо
честь не продается.

Свобода тоже дороже золо-
та. Ибо не покупается.

Глава 1

Первое впечатление можно
произвести только один раз.

У меня была тайна. Нет, не так. У меня была Тайна. Все началось, когда мне исполнилось тринадцать, и вместе с возрастом пришли метаморфозы. Детское тело начало тайную перестройку, готовясь вступить в юность. Если кто-то думает, что девичество — это ужасно романтично — сплошные розы, сонеты, красивые платья, первые туфельки на каблуках, балы, влюбленные взгляды и прочая ерунда, тот никогда не сталкивался с реальностью тупо ноющего живота и невозможностью плюхнуться в горячую ванну именно тогда, когда этого хочется больше всего.

До того вполне здоровый дух, обитавший в здоровом теле, тоже развернулся по полной программе: мне стали сниться очень странные, удивительно живые сны. Если б я не тренировала годами умение

скрывать все мало-мальски важное, происходившее со мной, и решила бы поведать «девичьи секреты» окружающим, скорее всего мой дядя и опекун — лорд Регент, Гвидо тер Фирданны, — немедленно воспользовался бы подходящим предложением, заточив меня в башню с мягкими стенами под присмотром семейного доктора Лерима. Естественно, для моего же блага. Так что я молчала как рыба об лед.

Забиралась по вечерам в кровать, свивала из подушек и одеял мягкое гнездо и заранее начинала улыбаться, словно сытый крокодил, живущий в дворцовом зверинце... Закрывала глаза. И приходил сон.

Началось все, когда у меня в первый раз заболел живот. И виной тому были не зеленые еще сливы, которых я налопалась и набрала впрок в дворцовом саду. Лана — моя камеристка, няня и подруга в одном лице — объяснила мне, в чем дело, и я не боялась. Просто была жутко зла на мировую несправедливость и тихо ругалась, бухтела и шипела в подушку, припоминая все интересные идиоматические выражения, случайно оброненные прислугой в моем присутствии. Да-да, принцессам знать таких слов не положено, но в каждом замке есть конюшня, где от конюхов можно услышать много нового и интересного, когда кому-нибудь из них на босую ногу наступят подкованным копытом. Вот я и бурчала, пока не заснула. А потом пришел сон...

Я оказалась в лесу, на берегу большого заросшего камышами озера. Светило солнце и, шевеля метелки тростника, дул легкий ветерок. Яркие лучи дро-

бились в кронах деревьев, рассыпаясь зайчиками по траве и бликами по водной глади. Пахло лесной свежестью и озерной влагой. Вдоль берега тянулась чуть намеченная тропка. Вокруг с цветка на цветок перелетали пестрые бабочки, в кронах деревьев пересвистывались птицы, шелестела листва.

Дорожка закончилась у узкого серпа песчаного пляжа со следами копыт. А в прозрачной воде, погрузившись в нее по брюхо, стоял белоснежный единорог. Стоял и пил, время от времени довольно фыркая. Это было невероятно красиво... Я всегда обожала лошадей, а они любили меня. Как-то в детстве, спасаясь от заслуженного наказания за то, что подлила во флакон одеколona любимой дядиной фрейлине синих чернил, а та побрызгалась из него, собираясь на бал, я спряталась в деннике грозы конюшни — злющего вороного Тайфуна. Сидела в углу на опилках, подтянув коленки к груди, пока не уснула. Проснулась следующим утром, почти на середине денника. Тайфун не только отошел в угол, чтобы случайно не наступить на меня, но еще и не пустил в денник никого из конюхов и прислуги, не давая тревожить мой сон.

Единорог был прекраснее любого из коней, которых я когда-нибудь видела. Шерсть сверкала на солнце серебром, глаза казались темными сапфирами, грива, хвост, рог на голове сияли в алмазной дымке. Он был огромным, выше, чем боевые жеребцы королевских рыцарей. И безумно грациозным.

Я подошла к воде. Травинки кололи босые ступни, солнце грело макушку, голые руки и колени, вообще все вокруг казалось удивительно настоящим. На мне была та же батистовая рубашка, в которой я легла спать. Та самая, из которой я давно выросла, поэтому она и доставала только до колен, а не до пят, как положено по этикету ночному наряду юной леди благородных кровей. С этой рубашкой я наотрез отказывалась расстаться, потому что в ней была, когда меня обнял и поцеловал уходящий в свой последний поход отец. Зато расчесанными на ночь волосами гордилась бы любая принцесса — русая грива длиной до бедер, отливавшая рыжиной в солнечном свете, покрывала меня плащом. Жуткая обуза эти волосы, но ведь так красиво! Я терпеть не могла мешающих бегать юбок и длинных неудобных маникюрных ногтей, но на волосы мое недовольство не распространялось.

Дойдя до песка, плюхнулась на траву у края пляжа и стала смотреть на дивного коня.

Единорог скосил глаз, насмешливо фыркнул и медленно двинулся к берегу. Вот интересно, а есть ли у него на ногах щетки — пучки длинных волос над копытами? Наклонив голову, уставилась коню под брюхо. Кажется, зверь понял мой интерес превратно. Он снова фыркнул, на этот раз возмущенно. Наверное, хотел высказать мне, какая я невоспитанная.

— Да мне интересно, есть ли у тебя щетки над копытами, — хихикнула я. — Хотя попутно выяс-

нилось, что ты — жеребец. Но, наверное, это правильно? Единороги-кобылы должны же, по логике, сниться мальчикам? — Ой, что-то я, похоже, не то ляпнула. Единорог всхрапнул и споткнулся на месте, чуть ли не сев на задние ноги. А он что, понимает меня? Хотя почему бы и нет, это же мой сон.

Чудесное создание обреченно вздохнуло. Взгляд коня был укоризненным.

— Да, думаешь, если я принцесса и живу в замке в покоях с окнами, выходящими на розовый сад, то ничего о жизни и не знаю? — нахохлилась я. — Если бы... Имея такого противного кузена, как мой, быстро разберешься, что к чему. С тех пор как поганцу Ру стукнуло пятнадцать, он клеится ко всему, что движется. Сколько раз я прятала от него служанок! Представляешь, этот нахал приставал даже к Лане! Лана — это моя личная камеристка и единственная подруга, — пояснила я коню, который к этому моменту подошел вплотную и свесил морду к моим коленям. Капли воды падали на ночнушку, делая и без того тонкую ткань почти прозрачной...

— Приставал, — удовлетворенно повторила я, акцентируя прошедшее время. — Пока мы с Ланой не попросили кузнеца сделать колючие ежики из мелких гвоздей и не зашили их шипами наружу в стратегических местах, хвататься за которые или прижиматься к которым повадился кузен. Ну и голосил же он, когда напоролся! Представляешь, этот болван затащил Лану в угол и, чтобы показать, какой он мужчина, притиснулся к ней животом. Идиот!

Жеребец зафыркал. Нет, он точно меня понимает!

Потом мы с единорогом гуляли по берегу. Я перебирала его гриву, обнимала шею, гладила атласный бок и говорила, говорила... Рассказывала о своей жизни в замке, о том, как скучаю по погибшему на войне отцу и по маме, которая умерла, когда я была совсем маленькой. О том, что меня учат только вышиванию, этикету и танцам. А то, что мне на самом деле интересно — владение оружием, книги и магия, — строго запрещено. Так повелел мой дядя-опекун. Впрочем, хихикнула я, не с той он связался. Читать я умела с трех лет, а отец погиб, когда мне исполнилось семь. Перед отъездом папа передал мне шкатулку с документами, представлявшими семейную ценность. Я перепрятала ее в тайник в своих покоях и до этого момента никому никогда не говорила о ее существовании. Дядя перерыл всю библиотеку в поисках схемы тайных ходов замка. Зря. Мог бы и не стараться — план, давно выученный назубок, был спрятан у меня. И выпускать его из рук я не собиралась. Как и отказываться от посещения кабинета отца — тайной комнаты, окна которой были столь хитро проделаны в стенах, что их было невозможно разглядеть снаружи. Попасть туда можно было только по системе тайных ходов, три из которых начиналась за панелями деревянной обшивки прямо в моей спальне. В кабинете хранились книги заклинаний, древние грамоты, уникальные алхимические реактивы, самое ценное фамильное оружие, семейные драгоценности. Столько инте-

ресного — век бы оттуда не вылезала! Вот я и учиняла раз за разом из ряда вон выходящие хулиганства, в наказание за которые меня лишали сладкого и на несколько дней запирали в комнате. В последний раз мне пришлось в голову обмазать изнутри дегтем с перьями парадную кирасу кузена Ру, который обо-жал играть в военного и числился у нас почетным капитаном дворцовой Гвардии. Когда этот раззява надевал ее, ничего не заметил. Но вот после того, как он постоял на солнце и снял золоченую желе-зяку на виду у всех гостей, скандал вышел жуткий. За эту шуточку меня заперли в покоях на целую не-делю. А мне того и надо было.

Я говорила, говорила... и чувствовала, как ледя-ной ком одиночества, давивший на меня с тех пор, как погиб отец, медленно тает... Единорог фыркал в такт рассказу, иногда насмешливо, а иногда сочув-ствующе...

— Ты понимаешь, — сказала я ему, поглаживая бархатный храп. — Жаль только, что не можешь от-вечать.

Конь скосил на меня темный глаз, наклонился и сорвал зубами лесной колокольчик. И протянул мне.

С ума сойти! Мне первый раз в жизни подарили цветы! И кто это сделал — серебряный единорог!

Это был удивительно длинный и очень счастли-вый сон. Но самое странное ждало меня по пробуж-дении — в моем кулаке оказался зажат стебелек под-вявшего голубого цветка. Решив, что в жизни всегда

найдется место магии, я спрятала колокольчик на память между страницами толстой исторической книги с описанием становления Империи — туда бы точно никто не стал заглядывать.

С тех пор каждую ночь мне снилось озеро. И мой чудесный серебряный единорог. Я не пыталась дать ему имя. Чувствовала, что оно у него уже есть и что однажды он мне его скажет. Надо просто подождать. Во сне я плавала вместе с конем в озере, сохла на берегу, бегала по лугу. Рассказывала о том, как прошел очередной день, слушая ответное фырканье. А однажды он преклонил колено, и я поняла, что могу сесть на него верхом. Он не скакал — летел, стремительно, плавно. И принес меня на высокий утес, под которым раскинулась обширная долина. Внизу змеились реки, по берегам росли деревья до небес, ветер звенел в их золотой листве. Почему-то я подумала, что тут должны жить эльфы. Я никогда не встречалась с дивным народом, хотя, по преданиям нашей семьи, в жилах королевской династии была с давних пор толика эльфийской крови. И не только эльфийской. Не зря наша Империя звалась Драконьей.

Проходили месяцы, мне было уже почти пятнадцать. Я привыкла к снам, к их странной реальности. Меня не удивило, что, когда однажды я упала во сне и расшибла коленку, наутро она болела на самом деле. Если такова плата за появление света в моей жизни, за спасение от одиночества, за вольный воздух — так тому и быть.

Один раз, ради эксперимента, я улеглась спать голой. Лучше б я этого не делала! Потому что в сон я пришла тоже нагишом, и это был единственный случай, когда единорог от меня сбежал.

Однажды, после того как мы устроили возню и игру в салочки на мелководье, я сидела на поваленном стволе дерева у опушки, заплетая единорогу гриву косичками. Как раз сегодня Лана показала мне несколько новых плетений для прически, и я решила потренироваться, вывязывая замысловатые вензеля из шелковых волос коня.

— Знаешь, последнее время дядя как-то странно на меня поглядывает. Будто что-то задумал. Я его не боюсь... но можно ждать гадости. Через три года наступит мое совершеннолетие, а он слишком любит власть. И точно не захочет от нее отказаться. Как думаешь, что мне делать? — спросила я коня, впрочем, не особо рассчитывая на ответ. Я привыкла рассказывать четвероногому наперснику обо всем, что меня тревожило. И часто в результате этих обсуждений непонятные ситуации прояснялись, находилось решение сложных проблем, подсмотренные мной через глазки тайных ходов эпизоды складывались в единую понятную картину.

Единорог внимательно посмотрел мне в лицо, аккуратно высвободился из рук, коснулся губами лба, а потом повернулся ко мне задом и потрусил к кустам.

— Эй, ты куда? — вскочила я с бревна, намереваясь бежать следом.

Конь оглянулся, прижал уши и надал ходу, в два скачка скрывшись из виду.

— Ну и что бы это значило? — спросила я пролетавшую мимо бабочку. Почему-то я была уверена, что ничего страшного не случилось и единорог вернется.

В кустах мелькнуло светлое пятно. А потом оттуда вышел парень — длинноволосый высокий блондин в серо-голубой тунике и замшевых бриджах до середины икры. Босой. На вид лет девятнадцать-двадцать. Он был нереально красив — придворные леди млели при виде нашего капитана дворцовой Гвардии, но Алан этому блондину и в подметки не годился. Прекрасный стройный незнакомец подошел к бревну, улыбнулся и устроился рядом со мной. Я вытаращенными глазами смотрела в глаза цвета темных сапфиров, вспоминая, что по этикету воспитанные девушки не ходят с отвисшей челюстью. Захлопнув рот, перевела взгляд на прическу парня и тут же уронила челюсть снова — в волосах цвета белого золота топорщились кривые косички, которые несколько минут назад я выплетала из лошадиной гривы. Я почувствовала, как начинаю краснеть. Жаром затопило щеки, обожгло кончики ушей. А вместе с жаром пришел гнев. Он что, все это время потешался, наблюдая за моими пируэтами в коротенькой рубашке? Одернула подол ночнушки, натянув его на колени, и встала. Я не знала, куда пойду, но оставаться здесь казалось мучительно стыдным. По щекам побежали злые слезы.

— Пожалуйста, не сердись, — попросил парень. — Я не нарочно. И не думал, что ты так расстроишься. Ничего же ведь не изменилось? Я тот же. Только теперь мы с тобой можем разговаривать.

Ага, совсем-совсем ничего! Страшно вспомнить, что я ему наболтала за время нашего знакомства! И о себе, и о Лане... и какими словами выражалась, рассказывая о ненавистных дяде и свинтусе Ру. Во дворце, при леди Фрейм, ответственной за мое воспитание, я вела себя как должно. Но откуда же мне было знать, что во сне с конем не стоит употреблять тех словечек, что я нахваталась на кухне или в конюшне, куда удирала всякий раз, как выдавалась возможность? Просто иногда становилось так одиноко, так хотелось, чтобы хоть кто-то обнял, погладил по голове... пусть это не мама и папа, а всего лишь наша кухарка тетушка Мэрион. Результатом моих эскапад стал не совсем традиционный для благородных девиц лексикон, который я и не пыталась скрывать, беседуя с единорогом. Вот что он теперь обо мне думает?

Синие глаза улыгнулись. Ну да, конечно, смешно. Повеселился... ну, ты у меня еще дождешься! Обида сменилась злостью, злость — мыслями о страшной мести.

Парень, глядя на смену эмоций на моем лице, хихикнул.

— Ну вот теперь ты похожа на себя. И не надейся, кирасу я не ношу!

— Для тебя я придумаю что-нибудь особенное, — огрызнулась я. — Кто ты такой?